

Текст как субъект в коммуникативном взаимодействии

Е.С. Никитина

В статье понимание рассматривается как вид автокоммуникации. При этом, тексту, как одному из партнеров Я в автокоммуникации, отводится главенствующая роль. Текст выполняет функции запуска и контроля понимания. В иерархии «Я-личностей» текст в качестве квазисубъекта понимания занимает более высокую позицию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: автокоммуникация, понимание, субъект, смысл, текст

НИКИТИНА Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела психолингвистики Института языкознания РАН, доцент кафедры психологии личности Института им. Л.С. Выготского РГГУ. m1253076@yandex.ru

Цитирование: Никитина Е.С. Текст как субъект в коммуникативном взаимодействии // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 86–105. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Text as subject in communicative interaction

Elena S. Nikitina

In the article comprehension is considered as a type of autocommunication. In this case, the text, as one of the partners me in the field of autocommunications, is given the leading role. The text performs the functions of starting and controlling comprehension. In the hierarchy of self-personalities, the text takes a higher position as a quasi-subject of understanding.

KEY WORDS: autocommunication, comprehension, subject, sense, text

NIKITINA Elena Sergeyevna – candidate of philological Sciences, associate Professor, leading researcher of the Department of psycholinguistics of the Institute of linguistics RAS, Professor of Department of personality psychology Institute L.S. Vygotsky Russian State Humanitarian University. m1253076@yandex.ru

Citation: Nikitina E. S. Text as subject in communicative interaction // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 2. P. 86–105. Access mode: www.tverlingua.ru

«Я» в автокоммуникации. Привычная, элементарная схема коммуникации:

КОММУНИКАНТ → передаваемый объект → РЕЦИПИЕНТ

выявляет наличие не менее трех участников: передающий субъект (коммуникант) – передаваемый объект (сообщение) – принимающий субъект (реципиент). При этом в качестве участников коммуникации выступают два целенаправленных субъекта, которыми могут быть: отдельный человек или группа людей, вплоть до общества в целом. По содержанию социальная коммуникация есть движение смыслов в социальном времени и пространстве. Смыслы же понимаются здесь как знания, умения, чувства, волевые воздействия, вырабатываемые в «психосфере» коммуникантов. И без автокоммуникации в этой сфере уже никак не обойтись.

Однако, из всех известных на сегодняшний день моделей коммуникации, ни одна не включает в себя блок автокоммуникации. Хотя без последнего, любой коммуникативный акт превращается в ритуал. Современная коммуникативистика этот вид общения по существу игнорирует.

Общение с собой – это, бесспорно, то, чему нас никто и нигде не учит. Некоторые и не подозревают, что такой вид общения существует и в том или ином виде является обязательным условием нормальной психической деятельности человека, во многом определяя нашу работоспособность, настроение, самочувствие, а нередко и состояние здоровья. Между тем «продуктивное общение с собой предполагает, что личность способна хорошо различать и оценивать жизненные смыслы, принятые в данной социальной среде, и в случае необходимости конструировать новые» (Гримак, 1991: 8).

Одно из первых научных представлений об автокоммуникации было предложено Ю.М. Лотманом в работе «Автокоммуникация: “Я” и “Другой” как адресаты (о двух моделях коммуникации в системе культуры)». Исходя из

шестичленной схемы речевого события Р. Якобсона, в которой представлены адресат и адресант, иначе, говорящий и слушающий в качестве ограничивающих коммуникацию компонентов, Лотман предложил выделить два типа каналов коммуникации. Наиболее типовой случай – это направление «Я – ОН», в котором «Я» – это субъект передачи, обладатель информации, а «ОН» – адресат. Предполагается, что до начала акта коммуникации некоторое сообщение известно «мне» и не известно «ему».

Господство коммуникаций этого типа заслоняет другое направление в передаче сообщений, которое схематически можно охарактеризовать как направление «Я – Я». Случай, когда субъект передает сообщение самому себе, то есть тому, кому оно уже и так известно, представляется парадоксальным. Однако на деле он не так уж редок и в общей системе культуры играет значимую роль.

Юрий Лотман акцентирует случай, когда передача информации от «Я» к «Я» не сопровождается разрывом во времени и выполняет не мнемоническую, а смыслопорождающую функцию. Это все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит. Обращение с текстами, речами, рассуждениями к самому себе – существенный факт не только психологии, но и истории культуры. В системе «Я - Я» носитель *информации* остается тем же, но сообщение в процессе коммуникации переформулируется и приобретает новый *смысл*. Происходит это в результате того, что вводится добавочный – второй – код и исходное сообщение перекодируется в единицах его структуры, получая черты нового сообщения. «Если коммуникативная система “Я – ОН” обеспечивает лишь передачу некоторого константного объема информации, то в канале “Я – Я” происходит ее качественная трансформация, которая приводит к перестройке самого этого “Я”. В первом случае адресант передает сообщение другому, адресату, а сам остается неизменным в ходе этого акта. Во втором, передавая самому себе, он внутренне перестраивает свою сущность, поскольку сущность личности можно трактовать как индивидуальный

набор социально значимых кодов, а набор этот здесь, в процессе коммуникационного акта, меняется» (Лотман, 1996: 24-26).

Внутренний диалог является результатом пребывания внутри сознания одновременно нескольких субъектов коммуникации. Это позволяет сознанию моделировать пространство коммуникации через включение в полилог с другими своими «Я». Так, азербайджанский живописец Т. Нариманбеков изобразил себя в картине «Бакинский автопортрет» отраженным в трех зеркалах, в каждом из которых запечатлелись разные его качества, а поэт Андрей Вознесенский написал в одном из своих стихотворений:

*«Я — семья
Во мне как в спектре живут семь «я»,
невыносимых, как семь зверей
А самый синий
свистит в свирель!
А весной мне снится,
что я — восьмой!».*

С. Л. Рубинштейн заметил однажды, что развитую, духовно богатую личность можно назвать «республикой субъектов» (Рубинштейн, 1973: 337).

По З.Фрейду рассматриваемое явление – это коммуникативное взаимодействие между тремя компонентами человеческой психики, а именно: его осмысляемой частью или «Эго», вытесняемой части сознанием или «Ид» и проявлением «Сверх-Я». Отсюда сутью внутренней коммуникации Фрейд считал диалог осмысленного сознания субъекта с его бессознательной составляющей, судьей которого является Супер-Эго. В ходе беседы происходит соглашение между означенными тремя составляющими психики, что способствует процессу постоянного личностного развития.

Карлос Кастанеда рассматривал внутренний диалог инструментом, посредством которого субъект формирует и фиксирует изображение собственного мира. Ведь люди непрерывно обсуждают с собой происходящие вокруг события.

Посредством внутреннего диалога субъект создает свой мир и чтобы вернуться к объективной реальности, согласно К. Кастанеде, его следует останавливать. Поэтому в эзотерике разработаны практики отключения или остановки внутреннего диалога.

Дж. Г. Мид, основатель символического интеракционизма, утверждал, что сущность личности, ее богатство и своеобразие определяются и проявляются прежде всего через выполняемые ею социальные роли, а сама социальная деятельность личности представляется как совокупность ее социальных ролей, зафиксированных в системе языковых и других символов. Через процесс принятия роли индивиды развивают *самость* – способность представлять себя в качестве объектов своей собственной мысли. Стадии принятия роли другого, других и обобщенного другого – все это стадии превращения физиологического организма в социального индивида. Происхождение «Я», согласно ученому, целиком социально. Главная же его характеристика – *умение становиться объектом для самого себя, что отличает человека от неодушевленных предметов и живых организмов*. Объектом для себя «Я» может стать, приняв отношения к себе других индивидов, в рамках той совместной общественной деятельности, в которую они вовлечены. Чтобы успешно взаимодействовать с другими людьми, необходимо предвидеть реакцию партнера на то или иное действие. Рефлексия на себя есть, по сути дела, не что иное, как способность поставить себя на место другого, усвоить отношение других к себе. Богатство и своеобразие заложенных в индивидуальном «Я» реакций и способов действия зависит от разнообразия и широты систем взаимодействия, в которых «Я» участвует. В системе «Я» Джордж Мид различает два аспекта формирования самости: «I» и «me».

1) Я (соотв. английскому «I») – спонтанное, внутреннее, субъективное представление индивидом себя;

2) Я (соотв. английскому «me») – это то, как люди видят себя. «Me» – результат влияния социальных групп в виде норм и стандартов на личность. В реальной жизни сознание и поведение человека детерминировано как

самовосприятием индивида, так и тем, как он интерпретирует реакции на него окружающих.

Если «те» представляет собой свойственную данному индивиду совокупность установок других, то «I» имеет автономный характер. В этом понятии отражено своеобразие реакций индивида на социальные стимулы. «I» реагирует отклоняющимся от ожиданий способом, вносит в структуру взаимодействия изменения, которые, суммируясь, изменяют содержание самого социального процесса.

Таким образом, внутри «Я» происходит диалектическое взаимодействие «I» и «те», их внутренний диалог. «Ме» – это как бы вопрос, задача, которую ставит общество перед «Я», одновременно открывая перед ним пути стандартизированного ответа и решения. «I» – это ответ.

Разделение этих двух позиций или двух движений сознания: от субъекта к другому («Я») и от другого к себе («те») предполагает вынесение точки центрации индивида во вне, в рефлексивную позицию, взгляда на себя как части целого.

Мид утверждает, что: 1) самость существует через социальное взаимодействие и что: 2) только обладание самостью делает возможной символическую интеракцию – необходимое условие совместной деятельности (Мид, 2009).

Итак, диалог с собой предполагает пространственное разведение как минимум двух участников коммуникации. ***И один из них обязательно должен выступить в роли знакового субъекта или текста.***

Анализ развития этических категорий позволил выявить социальные истоки процесса индивидуализации и его зависимость от усложнения форм социального контроля. Это такие образования как вина, стыд, достоинство, честь, самоуважение.

С позиции языковой организации субъекта сознания, похожую идею развивал Э. Бенвенист. Только в ситуации *двусторонней субъективности* (интерсубъективности), которая и делает возможной языковую коммуникацию,

человек конституируется как **субъект**, «ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство *быть*, – понятию «Его» – «мое я». «Субъективность», о которой здесь идет речь, есть способность говорящего представлять себя в качестве «субъекта». Она определяется не чувством самого себя, имеющимся у каждого человека (это чувство в той же мере, в какой можно его констатировать, является всего лишь отражением, а как психическое единство, трансцендентное по отношению к совокупности полученного опыта, объединяемого этим единством, и обеспечивающее постоянство сознания. Мы утверждаем, что эта «субъективность», рассматривать ли ее с точки зрения феноменологии или психологии, как угодно, есть не что иное, как проявление в человеке фундаментального свойства языка. Тот есть «его», кто *говорит* «его». Мы находим здесь самое основание «субъективности», определяемой языковым статусом «лица» (Бенвенист, 1974: 293-294). Местоименная форма «Я» и «ты» соотносятся не с «реальностью» и не с «объективным» положением в пространстве и времени, а с единственным каждый раз актом высказывания, который заключает в себе эти формы, и, таким образом, они соотнесены со своими собственными употреблениями. Задача, которую эти формы языка решают, есть коммуникация на межсубъектном уровне. «Язык разрешил эту задачу, создав серию «пустых» знаков, свободных от референтной соотнесенности с «реальностью», всегда готовых к новому употреблению и становящихся «полными» знаками, как только говорящий принимает их для себя, вводя в протекающий акт речи. Лишенные материальной референции, они не могут быть употреблены неправильно; ничего не утверждая, они не подчинены ни критерию истинности, ни критерию ложности. Роль этих знаков заключается в том, что они служат инструментом для процесса, который можно назвать обращением языка в речь. Идентифицируя себя как единственное лицо, произносящее *я*, каждый из говорящих поочередно становится «субъектом». Употребление таких слов, следовательно, обусловлено только ситуацией речи и ничем другим. <...> Этот знак, таким образом, связан с языком в процессе его использования и утверждает говорящего именно как говорящего. Это свойство и

лежит в основе речи, когда каждый говорящий как бы берет весь язык для личного пользования» (Там же: 288). Основание субъективности лежит в самом процессе пользования языком.

Итак, единое «Я» одновременно существует в двух «ипостасях» – говорящего и слушающего (понимающего). Противопоставление это не имеет аналога нигде вне языка. Оно не означает ни равенства, ни симметрии. Однако ни один из терминов немислим без другого; они находятся в отношении взаимодополнительности и одновременно в отношении взаимобратимости. Бесполезно искать аналогию этим отношениям вне языка. Положение человека в языке неповторимо, утверждал Эмиль Бенвенист. Структура «Я» подобна магниту с положительным и отрицательным полюсами. Где есть плюс, там обязательно должен быть и минус. Язык и речь, слушание и говорение, Я и Ты – по оппозиции «внутренний~внешний» взаимодополнительные и одновременно взаимобратимые структуры человеческого сознания. «Налицо двойственная сущность, которую неправомерно и ошибочно сводить к одному изначальному термину, считать ли этим единственным термином «я», долженствующее будто бы утвердиться сначала в своем собственном сознании, чтобы затем открыться сознанию «ближнего»; или же считать таким единственным изначальным термином общество, которое как целое будто бы существует до индивида, из которого индивид выделяется лишь по мере осознания самого себя. Именно в реальности диалектического единства, объединяющего оба термина и определяющего их во взаимном отношении, и кроется языковое основание субъективности» (Бенвенист, 1974: 294).

Важно другое. У слушания как комплементарной структуры в акте говорения появляются дополнительные функции в качестве органа восприятия: это **контроль** за говорением, причем, контроль как со стороны языковой организации (что, как правило, автоматизировано), так и логической структуры говорения. Данная функция предполагает развитие слуха по речевому типу, и чуткость, и тонкость слушания, и его опережающую (контролирующую) способность по отношению к говорению. Причем, если во внешнем акте

слушание происходит параллельно говорению, то во внутреннем, когда говорение себе и для себя происходит «молча», в форме внутренней речи, *слушание начинает доминировать, занимая опережающую мысль позицию*. Контроль есть контроль и контролирующий (me, по Миду или «другой») должен находиться в позиции ожидаемого будущего, как язык в отношении речи. В автокоммуникации слушатель становится активным, то есть, целеполагающим началом. И внутренний текст, так утверждал еще Аристотель, должен будет выстраиваться в зависимости от того, что желает или ожидает слушатель (Никитина, 2006).

Взаимообратимый характер говорения и слушания формируется внутри коммуникативных практик – речевых жанров, по Бахтину. Ч. Хоккетт доказал, что слушание – более сложно организованная структура, чем говорение, так как может включать в себя и акты сопереживания (отношение к говоримому), страховки от ошибок, ритуального молчания, акты памяти (Хоккетт, 1965). Социальная позиция контролирующего всегда выше позиции исполнителя. Сам же контролирующий текст не может быть бессубъектным.

2. Текст как субъект (по мотивам работы философа и культуролога М.С. Кагана). Слово «субъект», активно употребляемое в гуманитарных науках, где оно имеет тенденцию к замещению или смещению таких понятий как «индивид», «личность», «человек», «Я» и даже «Эго», не имеет четкой границы своего объема. Слово это постоянно перемещается по дискурсивным областям, являясь и грамматической, и даже юридической категорией. Так, субъект в грамматике – подлежащее, семантическая категория со значением производителя действия или носителя состояния. Субъект в логике, подлежащее суждения, предмет, о котором что-либо утверждается. Субъект в психологии – активное самосознающее начало душевной жизни, которое противопоставляет себя внешнему миру и своим собственным состояниям, рассматривая их как объект. Субъект в религии – Бог, либо человек (душа человека). Субъект в философии – носитель действия, тот, кто познаёт, мыслит или действует, в отличие от объекта (как того, на что направлены мысль или действие субъекта).

В размышлениях М.С. Кагана само разведение понятий субъекта и объекта является «свидетельством того, что у человека пробудились потребность и способность *отделить себя от предмета своего действия*, явилось формирование теоретического сознания и его наиболее развитой формы – философского умозрения, философского анализа реальных отношений, для которого исходной позицией является *расслоение объекта рефлексии и рефлектирующего субъекта*. Деятельность человека является с философской точки зрения *актуальным бытием субъектно-объектного отношения*, совокупностью всех форм активности взаимодействующих субъектов, направленной на объекты внешнего мира и превращающей их с помощью других объектов (орудий, средств деятельности) в объекты третьего рода (продукты деятельности, вещи, предметы культуры)» (Каган, 1988: 87-89).

Характеристики субъекта. «Феномен субъективности выпадает из естественного “вещного” ряда: он лишен собственных материальных свойств, пространственности, делимости и т. д. и вместе с тем может делать своим проводником любые вещные свойства на любом пространственном протяжении. Он вездесущ и вместе с тем неуловим для измерения внешними масштабами – качественными, количественными и пр. Но, пожалуй, самое главное в том, что для субъективности в принципе невозможно указать совокупность порождающих ее внешних причин, условий и обстоятельств, ибо ее природа и специфическое отличие состоит именно в отношении ко всему внешнему, в “самопричинении” и “самообусловленности”. Она суверенна, поскольку начинает с себя» (Иванов, 1977: 204).

Базовыми свойствами субъекта являются его **активность, целеполагающая способность** (двусторонняя по своей сути: направленная на объект и на самого субъекта), **свобода выбора, уникальность**. Через последнее качество пролегает одна из важнейших демаркационных линий, отделяющих субъекта от объекта. Что бы или кто бы ни выступал в роли объекта – либо вообще не является уникальным, либо утрачивает уникальность в ситуации взаимодействия, поскольку фундаментальным принципом познания является

нахождение закономерного, общего, инвариантного, типичного, повторяющегося. Что же касается субъекта, то в силу своей уникальности, неповторимости, он требует индивидуального к себе подхода.

Применительно к человеку, «быть субъектом» – значит быть носителем идеи «Я», а это, в свою очередь, означает, что человек мыслит, воспринимает, переживает и осуществляет себя в качестве причины себя самого, то есть обнаруживает себя как *causa sui*. Потребность человека выступить перед собой, испытать себя в своей первопричинности по отношению к миру, в конечном счете, обосновать перед собой тождество «Я = Мир», образует глубинный источник его надситуативной активности (Петровский, 1993).

Но самое важное в разведении этой пары категорий то, что сколь ни существенны все указанные различия между субъектом и объектом, они не абсолютны. *Субъект и объект – не обозначение того, что само по себе всегда и везде является либо объектом, либо субъектом, но есть категории функциональные, диспозиционные, обозначающие роли различных предметов в тех или иных ситуациях деятельности.* Так, человек может выступать в одном случае в роли субъекта, а в другом в роли объекта (например, для хирурга на операционном столе) и даже к своему собственному «Я», ибо в ситуации самопознания, самооценки, самовнушения «Я» раздваивается на «Я-субъект» и «Я-объект». Психологам хорошо знакомо это явление, а в истории литературы были выработаны специальные средства психологического анализа личности – описание ее восприятия самой себя как бы со стороны.

Субъект – полимодален. Основные отличительные черты субъекта могут быть свойственны не только индивиду, но и различным группам людей, когда они образуют некие целостные коллективы. Так возникает, по терминологии А. А. Леонтьева, «совокупный субъект» (Леонтьев, 1979: 128). Субъектом может быть отдельный человек в той мере, в какой он обладает отмеченными выше качествами, то есть является *личностью* и поступает как личность. Субъектом может быть *группа людей*, объединенная не случайно и механически (толпа), а *органически, системно* и именно поэтому приобретающая некие системные ка-

чества (качества целого, не сводимые к сумме качеств элементов данной системы). Такими системными качествами целостной группы становятся единое, коллективное сознание и самосознание (например, родоплеменное, национальное, групповое), единая коллективная воля к действию и свободный выбор целей, способов и средств действия; это и делает подобную группу (микрогруппу типа семьи, бригады или макрогруппу – нацию, класс) субъектом. Субъектом может быть определенный *социум*, если он обладает высокой степенью внутренней организованности и цельности, которые порождают у него воплощающееся в культуре единое сознание и самосознание, единоподобную активность и свободно избираемый им принцип социальных действий. Наконец, субъектом является *общество, взятое в целом*, или *человечество*, когда оно выступает как единое целое, осознающее себя таковым и обращающее свою активность отчасти на покоряемую и познаваемую природу, отчасти на самосовершенствование.

Но если существуют «совокупные субъекты», во всех их разнообразных вариантах – от семьи до человечества, то правомерно выделение симметричного по отношению к ним «*частичного субъекта*», то есть продукта расщепления сознания на двух или нескольких субъектов, представляющих разные позиции данной организованности.

По замечанию Б. Ф. Поршнева, «одна из плодотворнейших новых идей, выдвинутых Людвигом Фейербахом в противовес немецкой классической идеалистической философии, состояла в требовании отказаться от прежней категории “я” как субъекта познания и заменить ее категорией “я и ты”. <...> Философский материализм представлялся Фейербаху возможным только при оперировании не одним “субъектом” в противопоставлении “объекту” (предметному миру), не “я” с моими “ощущениями” и прочими атрибутами, а обязательно двумя “субъектами”, соотношением между ними.<...>Трудно было бы переоценить воздействие этого гениального прозрения Фейербаха на дальнейшую судьбу философии. С абстрактным изолированным субъектом-индивидом, каким он выступал на пути философии от Канта до Штирнера, было

для передовой мысли навсегда покончено» (Поршнеv,1979: 78).В.С. Библер, развивая мысль Л. Фейербаха, выделил тезис о том, что *«истинная диалектика не есть монолог одинокого мыслителя с самим собой, это диалог между Я и ТЫ»*, это диалог умозрения с опытом, в котором *«сворачивается и приобретает собственно логический характер социальная сущность мышления»* (Библер,1975: 66, 69).

Наличие *«частичного субъекта»* лишний раз свидетельствует о функциональном, диспозиционном значении самого понятия субъектности.

М.С. Каган отметил, что философский анализ субъектно-объектных отношений, как правило, не выходил за пределы противопоставления субъекта и объекта по принципу бинарных оппозиций. Между тем, ситуация представляется гораздо более сложной, поскольку в системе *«субъект — объект»* кроме двух основных ее элементов (субъекта и объекта) есть еще ряд компонентов, производных от этих двух. Ведь и объект и субъект могут существовать не только реально, но и виртуально, как чисто воображаемые психические конструкты. Если я размышляю о некоем объекте, его образ, возникающий в моем воображении, является таким же объектом, как тот, что он отражает, однако объект этот не материальный, реальный, а отраженный, идеальный, существующий лишь в сознании, то есть *«квазиобъект»*. Близкое к такому пониманию термина можно найти у А.А.Леонтьева, когда он дает определения знака и языка как *«квазиобъектов»* (Леонтьев,1976: 8-9).

Квазиобъекты суть *модели реальных объектов*, создание которых есть специфическая функция воображения, отличающая его от мышления и всех иных психических механизмов. В таком случае правомерно предположить, что существует и *квазисубъект*, то есть такая форма идеального, такой продукт воображения, который является *моделью субъекта*. Ибо могущество воображения таково, что оно способно воссоздавать не только объекты, но и субъектов во всех их специфических субъектных признаках.

Первой формой такого моделирования является один из удивительнейших психологических феноменов – создание личностью образа ее *«второго Я»*; другой

тип квазисубъекта– воссоздаваемый памятью образ иного субъекта (умершей матери, уехавшего друга и т. п.), который функционирует в моем воображении именно как субъект, а не как объект, оказываясь, например, способным вступать со мной в мысленный диалог; третий тип квазисубъекта– художественный образ, который может существовать и в объективированной форме произведения искусства.

Детальное рассмотрение системы субъектно-объектных отношений подводит М.С. Кагана к выводу, что возможны еще и смешанные, «гибридные» формы существования объекта и субъекта. В науке описаны два типа соотношения категориальных бинарных оппозиций. В одном случае они соотносятся по логическому правилу древних *tertium non datur* (третьего не дано) – таковы, например, категориальные биномы «причина – следствие», «добро – зло», «красота – уродство», «прогресс – регресс» и т. п., синтез которых невозможен, ибо привел бы к их теоретической аннигиляции. В другом же случае пары категорий обозначают не взаимоисключающие, а качественно различные и соотносимые друг с другом компоненты системы – таковы, например, категориальные пары «материальное – духовное», «содержание – форма», «пространство – время» и т.п.; здесь возможен синтез противоположностей, например, человек как единство материи и духа, пространство – время как их реальное неразрывное единство (хронотоп), внутренняя форма как третий слой структуры предмета.

Нечто подобное имеет место и в категориальной системе «объект – субъект», исходные компоненты которой могут синтезироваться, не вызывая аннигиляции самого объектно-субъектного отношения, но порождая специфические образования в пределах данной системы. В этой связи вполне правомерно утверждение Н. З. Чавчавадзе, который отметил, что «продукт труда есть не просто объект, не просто вещь, а нечто субъективно-объективное» – ведь в нем овеществлена, реализована субъективная цель. Это дает философу основание говорить, что есть «субъективированное объективное и объективированное субъективное» (Чавчавадзе, 1979: 41,52).

Таким образом, понятия *объективированный субъект* и *субъективированный объект* имеют совершенно реальное содержание, причем их соединение существует именно в двух формах, поскольку и та, и другая составляющая может иметь доминантное значение в их синтезе.

Но не менее реальна иная форма синтеза объекта и субъекта – *объективированный субъект*. В самом деле, если активность субъекта приводит к созданию некоей «второй природы», которая существует столь же объективно, как и первая, хотя к ней опредмечиваются сознание, цели, идеалы субъекта, то вся эта предметность – или, проще, культура – оказывается объективированным субъектом. И тут в зависимости от модальности субъекта меняется масштаб объективирующей его предметности культуры: идет ли речь о культуре человечества в целом, или о культуре Возрождения, или о русской дворянской культуре первой трети XIX в., или о культуре политических взаимоотношений в периоды распада государств, во всех случаях культура выступает именно как объективация данного совокупного субъекта. Субъективность социальных образований разного масштаба непосредственно выражается в ценностно-идеологическом содержании культуры и фиксируется в системной связи всех ее слоев, в их взаимном опосредствовании и взаимодействии.

Итак, выясняется, что субъект и объект, при всей радикальности их различий, не являются абсолютно противоположными и несовместимыми «предметами», отнесение к которым возможно только по принципу «или — или», но представляют собой лишь крайние точки спектра, включающего также целый ряд переходных и синтетических форм. В целом этот спектр выглядит так: субъект — квазисубъект — субъективированный объект — объективированный субъект — квазиобъект — объект.

Отсюда следует, что и сами субъектно-объектные отношения выходят далеко за пределы отношений субъекта и объекта – они охватывают связи всех шести компонентов данной системы. Разумеется, источником всех этих отношений является не объект, а субъект. Объект может лишь находиться в отношениях с чем-то или с кем-то, тогда как субъект является в силу своей

активности носителем отношения к чему-то или к кому-то. Говоря конкретнее, субъект может обладать отношением:

— к другим субъектам, во всех их модальностях;

— к субъективированным объектам или ценностям;

— к квазисубъектам, во всех их разновидностях;

— к реальным объектам, во всем многообразии материального и духовного бытия;

— к квазиобъектам как идеальным моделям реальных объектов;

— к объективированным субъектам как явлениям культуры (Каган, 1988: 119-120).

Представляется, что такое понимание внутреннего строения системы субъектно-объектных отношений важно и для аксиологии, и для культурологии, и для теории деятельности, и для теории коммуникации. Данная модель системы субъектно-объектных отношений делает предельно наглядной недопустимость сведения общения как межсубъектного взаимодействия к одним только индивидуальным контактам – оно должно быть рассмотрено во всем многообразии связей всех модификаций субъекта.

В качестве субъекта текст противостоит читателю. «Гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках, за которыми стоят проявляющие себя боги (откровение) или люди (законы властителей, заповеди предков, безыменные изречения и загадки и т. п.). Научно точная, так сказать, паспортизация текстов и критика текстов — явления более поздние (это целый переворот в гуманитарном мышлении, рождение *недоверия*). Первоначально *вера*, требующая только понимания — *истолкования*. <...> Каковы бы ни были цели исследователя, исходным пунктом может быть только текст» (Бахтин, 1979: 281-282).

Текст может выступать в качестве инициатора коммуникации. Он озадачивает, его можно не понимать, даже владея языками общения. Здесь он не предмет насмешек, издевательств, или критики, не инструмент воздействия, но партнер или учитель. «В каждую эпоху, в каждом социальном кругу, в каждом

маленьком мирке семьи, друзей и знакомых, товарищей, в котором вырастает и живет человек, всегда есть авторитетные, задающие тон высказывания, художественные, научные, публицистические произведения, на которые опираются и ссылаются, которые цитируют, которым подражают, за которыми следуют. В каждую эпоху во всех областях жизни и деятельности есть определенные традиции, выраженные и сохраняющиеся в словесном облачении: в произведениях, в высказываниях, в изречениях и т.п. Всегда есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи «властителей дум» данной эпохи, какие-то основные задачи, лозунги и т.п. Я уже не говорю о тех школьных, хрестоматийных образцах, на которых дети обучаются родному языку и которые, конечно, всегда экспрессивны» (Бахтин, 1979: 268-269). В отдельные периоды истории книги сжигали как инакомыслящих субъектов.

Сегодня продолжают дискуссии о том, какие 10, 100, 500 произведений художественной литературы должны войти в список обязательных для прочтения современного человека в качестве формирователей мировоззрения. Без коммуникации с текстом сознание не расширяется.

Кроме того, помимо одушевленных и неодушевленных, бывают еще и одушевляемые предметы: это тексты, которые и позволяют нам заниматься одушевлением всего существующего. «Заметим, что именно с того момента, когда нам становится известно, что это – текст, когда мы понимаем или пытаемся понять его смысл, мы сразу выходим за пределы непосредственно данного нам в чувственном восприятии. Текст – это концентрированная действительность. Текст – это действительность, ориентированная на то, чтобы ее понимали. С одной стороны, он сохраняет важнейшее качество объективно реального: материальный носитель содержания, данный нам в чувственном восприятии, не зависит от нашей воли или сознания. С другой стороны, текст совмещает неизменяемость материального носителя смысла с изменением самого этого смысла в процессе понимания, в процессе деятельности» (Брудный, 1998: 117). Именно в этой своей функциональной коммуникативной целостности текст и может быть рассмотрен в качестве коммуникативного субъекта.

Субъектность текста предполагает диалогический способ взаимодействия с ним. И смысловое понимание как результат такого взаимодействия.

Ссылки – References in Russian

Бахтин,1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Бенвенист,1974 – *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., Прогресс, 1974. 448 с.

Библер,1975 – *Библер В.С.* Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога). М., Политиздат, 1975.

Брудный,1998 – *Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. М., Лабиринт, 1998.

Гримак,1991 – *Гримак Л.П.* Общение с собой: Начала психологии активности. М., Политиздат, 1991.

Иванов, 1977 – *Иванов В.П.* Человеческая деятельность – познание – искусство. Киев, 1977.

Каган, 1988 – *Каган М.С.* Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М., Политиздат, 1988.

Леонтьев,1976 – *Леонтьев А.А.* Социальное и естественное в семиотике // Философские проблемы психологии общения. Фрунзе: Илим, 1976. С.40-53.

Леонтьев,1979 – *Леонтьев А. А.* Деятельность и общение // ВФ. 1979. №1. С.121-132.

Лотман, 1996 – *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек. Текст. Семиосфера. История. – М., Языки русской культуры, 1996.

Мид, 2009 – *Мид Дж. Г.* Избранное. Сборник переводов. Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН. 2009.

Никитина, 2006 – *Никитина Е.С.* Автокоммуникация как риторическая проблема // Классическое лингвистическое образование в современном

мультикультурном пространстве-2. Материалы Международной научной конференции. Часть 1. Москва-Пятигорск, 2006. С.140-146.

Петровский, 1993 – *Петровский В.А.* Личность: Феномен субъектности. Ростов-на-Дону, Феникс, 1993.

Поршнева, 1979 – *Поршнева Б. Ф.* Социальная психология и история. М., Наука, 1979.

Рубинштейн, 1973 – *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., Педагогика, 1973.

Хоккетт, 1965 – *Хоккетт Ч.* Грамматика для слушающего // Новое в лингвистике. Вып.IV. М., Прогресс, 1965.

Чавчавадзе, 1979 – *Чавчавадзе Я. З.* Культура и ценности. – В кн.: Культура в свете философии. Тбилиси, 1979. С. 24-41.

References

Bahtin, M.M. (1979) *Aesthetics of verbal creativity*, Moscow, Iskusstvo (in Russian).

Benvenist, E. (1974) *General Linguistics*, Moscow, Progress (in Russian).

Bibler, V. S. (1975) *Thinking like creativity* (Introduction to the logic of a mental dialogue), Moscow, Politizdat (in Russian).

Brudnyj, A.A. (1998) *Psychological hermeneutics*, Moscow, Labirint (in Russian).

Grimak, L.P. (1991) *Communication with yourself: the beginning of the psychology of activity*, Moscow, Politizdat (in Russian).

Ivanov, V.P. (1977) *Human activity – cognition – art*, Kiev (in Russian)

Kagan, M.S. (1988) *The world of communication: The problem of intersubject relations*, Moscow, Politizdat (in Russian).

Leont'ev, A.A. (1976) Social and natural in semiotics // *Philosophical problems of communication psychology*, pp. 40-53 (in Russian).

Leont'ev, A.A. (1979) Activities and communication // *Voprosy Filosofii*, №1, pp. 121-132 (in Russian).

Lotman, Yu.M. (1996) *Inside the thinking worlds: Man. Text. Semiosphere. History*, Moscow, Yazyki russkoj kul'tury (in Russian).

Mid, Dzh. G. (2009) *Selected works. Collection of translations*, Moscow, INION RAN (in Russian).

Nikitina, E.S. (2006) Autocommunication as a rhetorical problem // *Classical linguistic education in a modern multicultural space-2*, Vol. 1, Moscow-Pyatigorsk, pp.140-146. (in Russian).

Petrovskij, V.A. (1993) *Personality: The phenomenon of subjectness*, Rostov-on-Don, Feniks (in Russian).

Porshnev, B.F.(1979) *Social psychology and history*, Moscow, Nauka (in Russian).

Rubinshtejn, S. L. (1973) *Problems of general psychology*, Moscow, Padagogika (in Russian)

Hokkett, Ch. (1965) Grammar for the listener // *New in Linguistics*, Vol. IV., Moscow, Progress (in Russian).

Chavchavadze, Ya.Z. (1979) Culture and values // *Culture in the light of philosophy*, Tbilisi, pp. 24-41. (in Russian).